

В тот вечер, когда Сюэ Фэйфэн прокалывал мозоли на его ногах, он кусал локти от сожаления. Шэнь Цинжань впервые проходил столько горной дороги пешком, находясь под присмотром Сюэ Фэйфэна.

Изначально задумка Сюэ Фэйфэна заключалась в том, чтобы дать Шэнь Цинжаню сполна хлебнуть лиха от побега из дома и зарубить это на носу — да так, чтобы при одном взгляде на горную тропу у него поджимались коленки. Он даже планировал дожидаться, пока Шэнь Цинжань еще больше устанет и почти дойдет до самого выхода, и только тогда напомнить, что тот забыл забрать собак.

Но каждый раз его сердце не выдерживало первым. Видя, как Шэнь Цинжань доходит до того самого места, где они поцеловались, он уже просто не мог заставить себя мучить его дальше. Это место казалось пределом безопасности: сделай тот еще хоть шаг, и Сюэ Фэйфэн всерьез опасался, что Шэнь Цинжань просто свалится без чувств.

Шэнь Цинжань лежал ничком на кровати, пока Сюэ Фэйфэн стоял перед ним на одном колене и аккуратно вскрывал мозоли. Глядя на натертые пузыри величиной с соевый боб на нежной коже пальцев, Сюэ Фэйфэн проклинал себя дневного последними словами.

И надо же было придумать такой глупый способ! Зачем обязательно было пользоваться его слабой выносливостью?!

«Но ведь другие способы не работают...» — тихо возражал другой голос внутри. Если не довести Шэнь Цинжаня до предела, когда из него хлынет вся обида, этот маленький обманщик ни за что не станет задумываться над глубинными причинами.

В его голове отговорки рождались быстрее, чем рыбы пускают пузыри в пруду перед дождем. Чтобы закалить его волю и укротить упрямство, нужно было довести его до состояния, когда мозги отказываются соображать, и вся злость — и хорошая, и плохая — хлынет прямо на Сюэ Фэйфэна. А уж тогда, вскрыв истинную причину, уклониться от разговора не удастся.

Расчет у Сюэ Фэйфэна был идеальным, да только сердце щемило по-настоящему.

Шэнь Цинжань вымотался настолько, что не мог и пальцем о палец ударить. Но когда он немного остыл, мысли о том, как Сюэ Фэйфэн обвел его вокруг пальца и заставил отшагать такую бессмысленную даль, вызвали у него жуткую досаду.

Намотанные шаги в саженьцы деревьев не переведешь! Шэнь Цинжань чувствовал себя в чистом убытке: пусть он эти силы на посадку настоящих деревьев, то-то было бы пользы! Во всем виноват Сюэ Фэйфэн со своим глупым упрямством!

Серебряную иглу прокалили и продезинфицировали над пламенем трепещущей свечи, после чего проткнули водяной пузырь. Хотя Сюэ Фэйфэн действовал быстро, точно и умело, Шэнь Цинжань все равно ощутил укол боли. Сегодня он уже плакал, да еще и навзрыд у него на груди — стыдоба невероятная! А если он сейчас не сдержится и застонет из-за какой-то мозоли, разве это не будет окончательным позором?

Поэтому на каждый укол иглы он лишь фыркал и выдавал холодное покашливание, скрывая боль.

Выглядело это весьма внушительно и даже помогло сохранить остатки гордости.

Сюэ Фэйфэн сидел как на иголках и в сотый раз просил прощения:

— Я виноват, Жань-жань, в следующий раз больше не осмелюсь.

Шэнь Цинжань при слове «Жань-жань» каждый раз ощущал трепет в груди:

— Зови меня по имени!

Но Сюэ Фэйфэну, который теперь считал его своей законной «женушкой», одного имени уже было мало:

— Этому я уступить не могу.

Хотя Сюэ Фэйфэну безумно хотелось кое-чего большего, а кровь в жилах бурлила от нерастраченного жара, он не смел изводить засыпающего на ходу Шэнь Цинжаня. Возможность спать с любимым человеком под одним одеялом и без того была гигантским шагом вперед.

...

На следующий день Шэнь Цинжань поднялся с кровати строго по часам. На сегодня у них была назначена высадка риса за пределами гор. Сюэ Фэйфэн намеренно не стал его будить, но Шэнь Цинжань встал сам — из чистого чувства ответственности.

Сюэ Фэйфэн немало удивился, увидав готового к выходу Шэнь Цинжаня, и проявил благоразумие, не стал уговаривать его поспать еще: открой он рот, и тот сразу припомнит ему вчерашние грехи.

— Попробуй эту тележку для рассады, — Сюэ Фэйфэн помог Шэнь Цинжаню усесться. — Если что-то не подходит, мы еще успеем переделать.

Шэнь Цинжань:

— Сними ограждения.

Если Сюэ Фэйфэн будет тащить янма (тележка для рассады) за собой, каждая лишняя деталь — это дополнительный вес. Ему самому хотелось исхудать килограммов до сорока, чтобы не утяжелять ношу.

Значит, претензий к самой конструкции нет. Сюэ Фэйфэн просто подхватил его и вынул наружу.

За то, что его предложение проигнорировали, Шэнь Цинжань с досады съел за завтраком на одну ложку больше.

Предстоял дальний путь, вернуться получится не раньше чем через полмесяца, а тащить с собой собак и коров было неудобно. Шэнь Цинжань озабоченно спросил у Системы:

— А ты можешь взять их на передержку?

Система: [Какая удача! Эта функция была разработана буквально только что. Правда, плата за передержку довольно кусачая.]

За последние дни Шэнь Цинжань наскреб около 8000 баллов — часть из них принесла Пань Юньси, которая освоила разведение грибных спор без его личного участия и задействовала других деревенских девушек, обеспечив ровно половину этой суммы.

— И насколько кусачая? — занервничал Шэнь Цинжань.

Товары в Системе дешевизной никогда не отличались. Он даже заподозрил очередной заговор Системы: тратится больше, чем зарабатывается, и он постоянно оказывается в должниках.

[Передержка означает заморозку физиологического состояния животных. В этот период они могут принимать пищу от посторонних, но это будет равносильно корму впустую. Одно животное, один день — 500 баллов.]

Шэнь Цинжань прикинул в уме: 12 животных на полмесяца — это девяносто тысяч баллов!

Его чуть не всколыхнул кровавый кашель. Девяносто тысяч! С самого момента привязки Системы он в жизни не зарабатывал таких сумасшедших сумм!

Да проще с собой этих псов прихватить!

Шэнь Цинжань уже собрался с сожалением закрыть интерфейс Системы, как вдруг в его голове прозвучала дробная очередь механических оповещений — словно пять или шесть сообщений ввалились одновременно:

— [Дзинь! Выведение ветроустойчивой и пескостойкой породы вяза для защитных лесных полос завершено успешно! Награда: 50 000 баллов!]

— [Дзинь! Селекция соевых бобов завершена успешно! Награда: 10 000 баллов!]

— [Дзинь! Селекция черных бобов завершена успешно! Награда: 10 000 баллов!]

...

Словно новогодние хлопушки, одна радостная весть сыпалась за другой, и в сумме набралось ни много ни мало — ровно девяносто тысяч баллов.

Шэнь Цинжаня от такого богатства аж оглушило. Проект защитных лесов сработал из-за свирепых ветров на каменном пике: пустить корни и прорасти там смогли лишь те семена, что прошли сквозь суровейшие испытания. Жизнь всегда творит чудеса, если выборка достаточно велика.

— Но эти бобы... Когда я их сажал?! — Неужели произошел сбой и ему приписали заслуги селекционеров из других миров?

Система: [По данным проверки, посадка проведена вами у реки.]

Это же дедушка со своей внучкой Хуан-я!

Шэнь Цинжань аж подскочил от неожиданности. Он и подумать не мог, что, просто бросив по рядку каждого вида бобов, получит максимальную выгоду при минимальных усилиях!

Старик и Хуан-я — настоящие перерожденные Шэнь-нуны! Он потратил двадцать тысяч баллов, чтобы обменять для них рис и муку, а они взамен принесли ему сорок тысяч баллов!

Шэнь Цинжань внезапно вывел для себя закономерность: чем менее пригодно место для посадки, тем выше вероятность срубить кучу баллов.

Система: [Желаете оформить услугу передержки прямо сейчас?]

— Оформляй, — Шэнь Цинжань все еще купался в непередаваемом восторге.

[Сделка завершена,] — Система на этот раз не зависла ни на секунду и мгновенно обнулила все девяносто тысяч баллов Шэнь Цинжаня.

— Постой... — Шэнь Цинжань внезапно опомнился. Что за подозрительное совпадение? Ему потребовалось девяносто тысяч баллов, и тут же приспели ровно девяносто тысяч! Система ведь такая скупердяйка, с чего бы ей проявлять такую трогательную заботу?

Если поменять причину и следствие местами... это у него СНАЧАЛА появились девяносто тысяч баллов, которые Система придержала, а когда он попросил передержку, Система быстро всё просчитала и так удачно сцапала эти баллы под ноль, лишь бы подстегнуть его к работе! В конце концов, пять сообщений об успешной селекции, пришедшие одновременно — это слишком уж подозрительно.

Шэнь Цинжань искренне поинтересовался:

— А я могу подать на вас жалобу в комитет по ценообразованию?

Система: [Просим прощения, мы обладаем правом самостоятельного установления цен.]

Шэнь Цинжань возмутился:

— В следующий раз не вздумайте утаивать от меня баллы! Пусть в итоге вы все равно меня оберете до нитки, но дайте мне хоть пару дней потешить душу радостью владения девяностыми тысячами баллов, а?!

Он сегодня даже толком не успел посчитать нули, как всё испарилось!

Сердце кровью обливалось.

Эта свора собак обошлась ему слишком дорого!

...

Повозка, запряженная осликом и груженная янма, неторопливо пошатывалась целый день, прежде чем они выбрались из гор.

Тысяча му плодородных земель службы Тянься не располагались одним сплошным массивом. Шэнь Цинжань долго торговался с Сюэ Фэйфэном: тот сбил количество полей под рассадку с девяноста му, на которых упрямо настаивал Шэнь Цинжань, до семидесяти.

Сюэ Фэйфэн объяснял:

— В каждом месте нужно оставить по одному-двум му под обычные посевы. Только на контрасте станет очевидно, насколько хороши твои семена. Осенью мне даже говорить ничего не придется — крестьяне провинции Миньчжоу сами сбегутся скупать рис из этого урожая на семена.

Шэнь Цинжань подумал и решил, что в этом есть зерно истины: заручиться поддержкой множества крестьян в следующем сезоне куда важнее, чем засадить лишнюю пару му прямо сейчас.

За пятнадцать дней требовалось засеять в среднем по пять му в день. Переезды между

хозяйствами и дороги до деревни Лицзяцунь отнимали уйму времени, поэтому Шэнь Цинжань заложил норму по семь му в день, из-за чего за три дня похудел на полтора килограмма.

Не только время передержки животных было ограничено, но и сам посев требовал соблюдения сроков.

Работать приходилось от рассвета до заката, а чтобы успеть, задерживаться и по ночам. Шэнь Цинжань не смел и заикнуться об усталости — боясь, что Сюэ Фэйфэн в порыве беспокойства тут же утащит его домой.

Хотя на самом деле куда больше выматывался сам Сюэ Фэйфэн.

У Шэнь Цинжаня была янма — считай, готовая сеялка, а вот Сюэ Фэйфэн служил для нее живым двигателем. Иногда, чтобы сберечь время и дать Шэнь Цинжаню лишний раз отдохнуть, он втайне прибавлял ходу, из-за чего веревка не раз сдирала ему кожу на ладонях до крови.

Шэнь Цинжань сжимал ладони Сюэ Фэйфэна, и его сердце сжималось от боли:

— Завтра запрежем двух коров или я сам буду тянуть. Ты больше не тащи!

Сюэ Фэйфэн понятия не имел, что через четыре года грянет голод, но всё равно безоговорочно поддерживал его отчаянное стремление сеять. Ну как на свете может быть столь глупый и преданный человек?! Шэнь Цинжань каждый день метался между «сеять» и «не сеять»: на одной чаше весов был Сюэ Фэйфэн, на другой — надвигающийся голод. Чаша весов колебалась, и даже легкое их покачивание отзывалось внутри беспомощной тревогой.

Сюэ Фэйфэн убеждал:

— Разве коровы сравнятся со мной по скорости? Не бери в голову, я вовсе не устал. Просто раньше не было опыта, завтра обмотаю ладони тканью — и всё будет в порядке.

— Но ведь я... — Шэнь Цинжань смотрел на Сюэ Фэйфэна, стиснув зубы от внутренней борьбы.

— Жань-жань, делай то, что считаешь нужным. Я не хочу, чтобы ты останавливался из-за меня. Я боюсь, что ты пожалеешь, а я не смогу взять на себя твою горечь, — Сюэ Фэйфэн сжал руку Шэнь Цинжаня и нагнулся, запечатлев поцелуй на тыльной стороне ладони. — Если только ты сам не устанешь — тогда мы просто вернемся домой.

Сюэ Фэйфэн был твердо уверен, что Шэнь Цинжань что-то от него скрывает, причем что-то очень важное, но одновременно знал, что к их чувствам это не имеет отношения.

Угадать причину, заставившую ленивого Шэнь Цинжаня, который когда-то готов был умереть с голоду, проявить столь невероятную целеустремленность, Сюэ Фэйфэн уже немного мог. Шэнь Цинжань обрел какую-то чудодейственную возможность, которая неизбежно накладывала на него жесткие ограничения и тяжелые обязанности.

На четвертый день, на пятый день... Все тайные замыслы Шэнь Цинжаня потихоньку сбегать по ночам в поле и сеять рассыпались в прах.

Потому что Сюэ Фэйфэн спал, крепко обнимая его, и тут уж не то что сбежать из дома — даже тихо сползти с кровати незамеченным было непозволительной роскошью.

...

Земли службы Тянься прежде сдавались в аренду местным крестьянам. Поместье ежегодно выделяло им плату и зерно, никоим образом не ущемляя, так что это считалось надежным заработком. Однако этой весной из поместья Тянься поступило извещение: в этом году выращивать рассаду не нужно, у руководства свои планы.

Крестьяне нешуточно переполошились: они весь год рассчитывали прокормиться с этого риса! Если поместье пустит земли под другие нужды, чем кормить мало-мальски большую семью со стариками и малышней?

Из поместья вывесили объявление, пояснив, что это лишь эксперимент с новым способом выращивания рассады, а сама высадка и сбор урожая все равно лягут на плечи крестьян, так что просят всех сохранять спокойствие.

Сюэ Фэйфэн приказал разогнать зевак: никому не позволялось подходить на близкое расстояние, откуда можно было бы разглядеть Шэнь Цинжана. На янма же для отвода глаз постоянно стояла корзина с обычным рисом.

Но эти меры лишь разжгли недовольство крестьян. Не имея возможности своими глазами наблюдать за посевом семян, они теряли покой, панически боясь, что поместье Тянься попросту усыпляет их бдительность, а когда время уйдет и рис будет «сварен», они уже ничего не смогут поделать с хозяевами.

К тому же дошли слухи, будто поместье Тянься вообще не привлекало людей к высадке. Один из крестьян тайком подглядел с вершины горы: от начала и до конца на поле находились всего двое, катавшихся по затопленному полю на деревянной шутовине, словно на лодке, совершенно не заботясь о жизни и смерти простых людей!

— Хозяин Му всегда был милосерден и щедр! Это наверняка те двое обманом и хитростью втерлись к нему в доверие и всё скрывают! Если мы схватим их, у нас снова появятся земли для работы!

Обеспокоенные крестьяне, переговорив между собой, схватили мотыги и палки и с бранью пошли штурмом. Чан Мин и Чан Бай отродясь не видывали подобного. Они много лет шли за генералом, защищая родину, и никогда не воевали с простым народом. Из опасения случайно покалечить крестьян они замешкались и проглядели момент, когда толпа прорвала заслон.

А Сюэ Фэйфэн как раз в это время обсуждал переброску войск с гонцом. У него возникли разногласия с заместителем генерала Чжан Хуайпу по поводу перемещения отрядов, разговор затягивался, и он попросил Шэнь Цинжана пока самому пройти вдоль межи и засадить один круг.

Шэнь Цинжань остался один.

<http://bllate.org/book/17933/2040495>